

Наталья КИРЁЕВА

профессор кафедры русского языка и литературы БГПУ

ОНА УЧИЛА ЖИТЬ И ПОБЕЖДАТЬ

Свою первую лекцию по античной литературе у первокурсников уже много лет я начинаю с рассказа о Нехаме Иоановне Вайсман. Об Анне Ивановне – как мы её всегда называли – первой наставнице в деле, которое стало делом и моей жизни.

А вот написать о ней я долго не решалась. Потому что моё отношение к Анне Ивановне было сложным. Она не только восхищала и удивляла. Но и смущала. И даже раздражала.

Первым всегда вспоминается её появление в аудитории, где мы, только что поступившие в БГПИ студенты-филологи, с любопытством и тревогой задавались вопросами: «Что ждёт впереди? А преподаватели – какие они здесь?»

И вот открывается дверь, в аудиторию вливается пожилая женщина с ясными глазами и торжественно выпевает вместо приветствия:

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахейнам тысячи бедствий соделал...*

Неожиданно, красиво и непонятно.
Что это?

Оказалось – «Илиада» Гомера. С приключениями гомеровских героев я была знакома с детства – благодаря прозаическому пересказу Елены Тудоровской. Но вот к звучанию оригинального текста – пусть и в переводе – готова не была. Так первая встреча с Анной Ивановной связала воедино эмоции удивления, восхищения и озадаченности.

А потом в коридоре я увидела объявление о наборе в «Студию художественного слова», которой руководила Анна Ивановна. Помню экзамен при приёме в студию. Я читала любимого Лермонтова – «И скучно, и грустно...» Спустя год мы выступали с вечером, посвящённым Лермонтову, в

сельхозинституте (ныне – ДальГАУ). Как раз в день моего рождения. И там продавались книги, списанные из фондов институтской библиотеки. В том числе два романа любимого Диккенса! А денег не было. И Анна Ивановна купила эти книги для меня. Ценнее подарка придумать было нельзя.

Участие в вечерах студии художественного слова – это отдельная страница моей вузовской истории. Сколько новых стихов я там услышала! Часто вспоминаю вечер, посвящённый празднику Победы. Анна Ивановна, пережившая войну в страшных условиях гетто, прочувствовавшая на себе ужас ежедневного ожидания смерти, отобрала для вечера стихи, которые пробирали до мурашек. До сих пор помню малейшие интонации, с которыми она учила читать нас эти стихи.

А сколько радостных и смешных историй происходило на репетициях! Там даже романы завязывались. И наша руководительница любила повторять, что из её студии вышло столько-то семей. Был эпизод, когда мои дружеские отношения с одним студийцем Анна Ивановна восприняла как намечающийся роман и радостно предрекала ещё одну свадьбу.

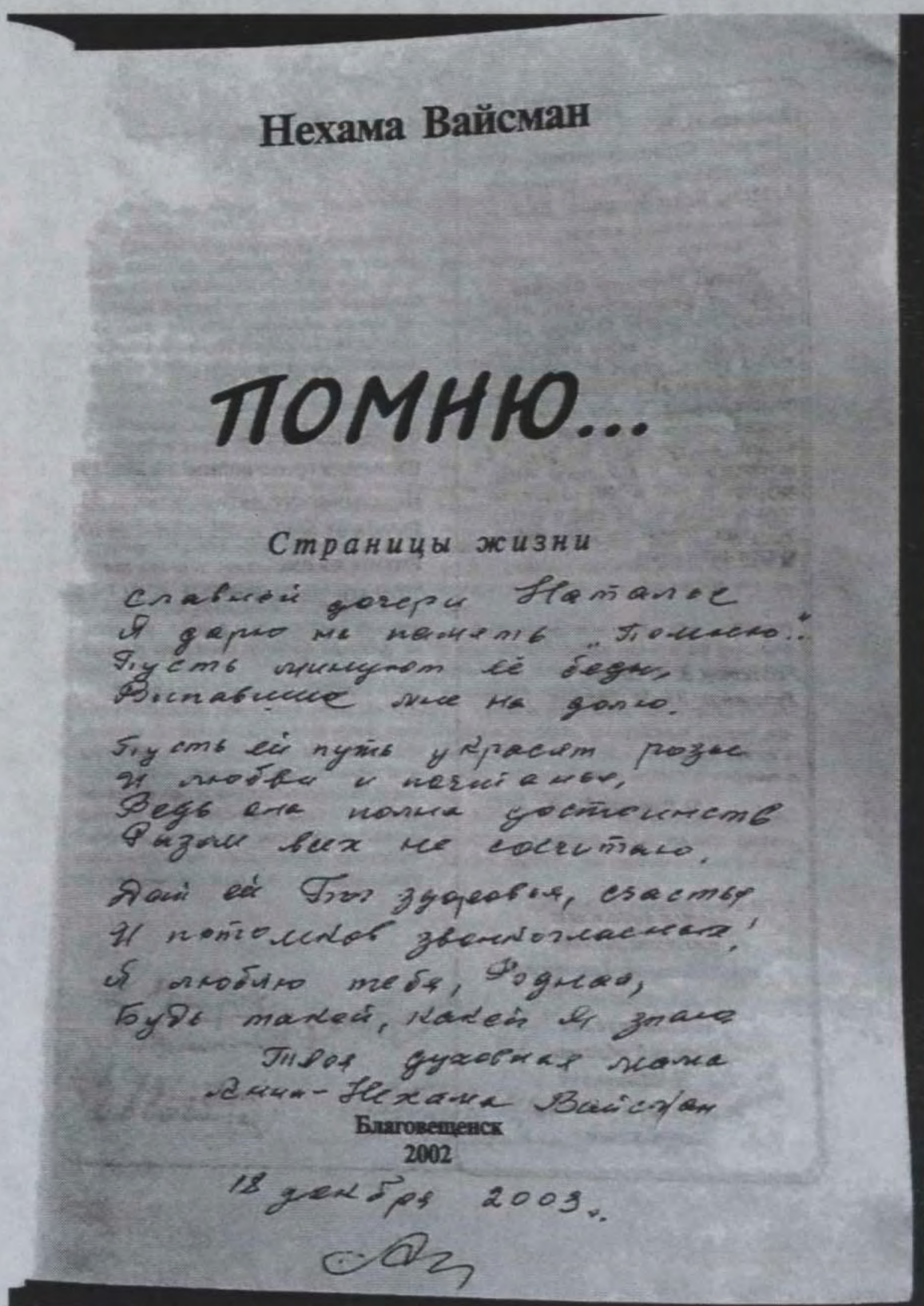
И ещё помню, с какой непередаваемо гордой осанкой она ходила, как задорно сияли её глаза и улыбка. Смотрю на фото, где Анне Ивановне 79 лет, и восхищаюсь тем, как молодо она выглядит!

Наша преподавательница зарубежной литературы не раз говорила, что мы все – её дети. Подписи на книгах и фотографиях, подаренных мне, часто начинались со слов «Дочери Наталье». Но «дочерью» я была непокорной: часто чувствовала свою внутреннюю оппозицию, возмущалась, что Анна Ивановна не посчиталась с моим желанием уйти из студии после 2-го курса, не любила, когда после репетиций в приказном порядке она «назначала» меня провожающей.

* Перевод Николая Гнедича (1813).

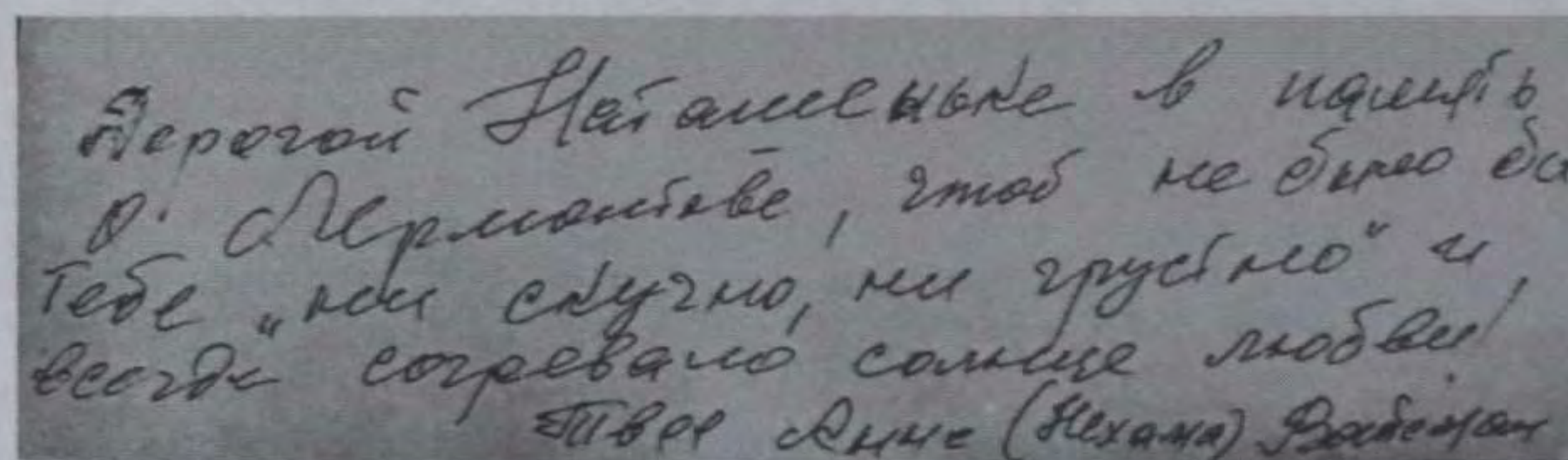
Тот самый вечер Лермонтова. Мы с нашей вдохновительницей. 1990 г.

Автограф Анны Ивановны – поэтическое посвящение на книгу «Помню...» Подарок на день рождения

А сейчас с теплом вспоминаю долгие разговоры о важном, которые мы вели во время медленного движения по улице Ленина, и понимаю, что и здесь она оставалась Учителем: так Анна Ивановна учила меня искусству жизни. При этом сама была очень открытой: рассказывала о себе такие подробности, что это удивляло и даже настораживало – подобный уровень взаимодействия между преподавателем и студентом казался необычным.

В рассказах Анны Ивановны раскрывался характер человека, который без страха встречает трудности и побеждает их. Поэтому непременно персонажами тех историй были недоброжелатели и враги, которые пытались вставлять палки в колёса её начинаний. А иногда навредить себе могла она сама. Помню историю, как в годы обучения в московской аспирантуре Анна Ивановна

Подпись Анны Ивановны на фотографии. Спустя годы она помнила, какое первое стихотворение я прочитала в её студии

увлечённо занялась восточными практиками, делая себе самомассаж по точкам. И так разохотилась, что расстроила действие сразу нескольких систем организма и потом лечилась уже традиционными методами. Но до последних дней жизни она каждый день по утрам делала специальную гимнастику и самомассаж – минимум час перед тем, как встать с постели.

Анна Ивановна нередко рассказывала историю своей жизни студентам – даже на лекциях. Описывала её в книгах стихов и прозы «Помню...», «Город моей судьбы», «По спирали времени», «Мой земной поклон», «Счастье и горе первой любви», «От Днестра до Амура». Думаю,

она так настойчиво повторяла эту историю потому, что считала свою судьбу знаковой для XX века – века насилия над человеком. И стремилась показать пример – того, как можно и нужно выживать и побеждать.

Когда в моей жизни наступил период переопределения своих личных границ, я злилась, вспоминая, как Анна Ивановна эти границы частенько нарушала. Но этот период прошёл. А вот память о ней – добрая, светлая память – осталась. И осталась благодарность Анне Ивановне, писавшей в посвящениях на своих книгах: «Моей дочери».

Осень 2021 года, Благовещенск

Мы – коллеги. Встреча с поэтом Леонидом Завальнюком на кафедре литературы БГПУ. 2004 г.